

«Да когда это я пытался согнуть Чжоу Цыбая?» — на мгновение задумался Гу Цзицин, вспоминая их разговор. Помолчав, он вбил в поиск название «Free». Увидев рекламную строчку: * «Ни один мужчина не уйдёт отсюда натуралом»*, он ненадолго застыл, не зная, что и сказать.

Впрочем, он быстро взялся за ответ:

— Извини, я вовсе не имел в виду пригласить тебя на свидание. У брата со знакомыми намечается вечеринка, и он просил передать приглашение. Я правда не знал, что это гей-бар.

Он объяснил всё так искренне и спокойно, что Чжоу Цыбай понял: дальше цепляться просто глупо.

— Я в такие места не хожу, — только и буркнул он глухо.

Такого ответа Гу Цзицин и ожидал. Чжоу Цыбай — правильный, кристально чистый мальчик, образцовый пример морали, и его неприязнь к подобным заведениям вполне естественна. К тому же Гу Цзицин и сам не хотел, чтобы тот туда пришел.

— Понимаю, — мягко ответил он. — Мой вопрос действительно был немного бестактным. Ничего такого я не планировал, так что надеюсь, ты не сердишься.

Из коридора донесся голос Гу Цзюэ.

— С Наступающим. Мне пора, — тихо произнёс Гу Цзицин и сбросил вызов.

На другом конце провода Чжоу Цыбай остался стоять как вкопанный, едва успев услышать доносившееся из динамика: * «А-Цзи, собирайся, едем в Клуб Фри!»*

В Клуб Фри?

Гу Цзицин всё равно собирается туда?!

Зачем?! Смотреть на качков, у которых даже фигура хуже, чем у него самого?!

Стоило Чжоу Цыбаю представить, как Гу Цзицин сидит у сцены и разглядывает омерзительных, заплывших маслом мужиков в одних плавательных трусах, как внутри всё перевернулось от раздражения. Он со злостью швырнул телефон на стол, откинулся на спинку кресла и тяжело насутился.

Ван Цюань, который слышал этот разговор и ничего не понял, удивленно спросил:

— Директор Чжоу, ты чего? Красавец факультета зовет тебя в «Free»?

— Нет. Он идет один, — процедил Чжоу Цыбай, мрачнее тучи.

— Мать твоя! — ахнул Ван Цюань. — Да такой лакомый кусочек, как Гу Цзицин, там же за вечер сожрут с потрохами!

«Какой ещё "лакомый кусочек"? Он же худой как щепка!» — раздраженно подумал Чжоу Цыбай. Однако мысль о том, что пьяный Гу Цзицин будет сидеть в полумраке бара под чужими похотливыми взглядами, отозвалась в груди резким уколом.

О чём Гу Цзицин вообще думает? Неужели не понимает, насколько привлекателен для окружающих? Если ты гей, обязательно тащиться в гей-бар? А если там пристанет какое-нибудь нечистоплотное ничтожество?

Чем больше Чжоу Цыбай размышлял, тем сильнее закипал. Он несколько раз порывался взять телефон и перезвонить, но так и не нашел разумного предлога. В конце концов, не выдержав, он сорвал с вешалки куртку, накинул ее на плечи и стремительно вышел из комнаты.

Гу Цзицин уже собрался. Подойдя к зеркалу, возле которого Гу Цзюэ увлеченно взбивал пальцами причёску, он тихо сказал:

— Пошли.

Гу Цзюэ мазнул взглядом по его мягкому плюшевому худи и простым джинсам:

— Ты даже наряжаться не стал?

— Ты правда думаешь, что Ли Вана волнует, во что я одет? — ответил Гу Цзицин без единой эмоции в голосе.

Ли Ван настоял на его приходе только потому, что Гу Цзицин публично утер ему нос на банкете в честь отца Чжоу Цыбая. Ему требовалось отыграться, вот и всё. И только такое примитивное существо, как Гу Цзюэ, могло искренне верить, будто Ли Ван просто зовет их развлечься.

Впрочем, объяснять это Гу Цзюэ было бесполезно — всё равно не поймет, а Инь Лань лишний раз расстроится.

Гу Цзюэ лишь беспечно кивнул:

— Ну да, с твоей мордашкой ты даже в школьной форме затмишь всех вокруг. Считай, оказали Ли Вану честь. Едем.

Он на ходу бросил брату конфету:

— На, попробуй. Газированная, говорят, невероятная вкуснотища.

И тут же закинул такую же себе в рот.

Гу Цзицин заметил тревожный взгляд Инь Лань, направленный на них из гостиной. Послушно развернув фантик, он положил конфету в рот. Лицо матери мгновенно посветлело.

Гу Цзюэ, изображая заботливого старшего брата, фамильярно обнял Гу Цзицина за плечи и всю дорогу до машины с важным видом перечислял, сыновья каких чиновников и богачей собираются сегодня в клубе.

Гу Цзицин молча слушал. Левая рука небрежно покоилась в кармане, а пальцы правой быстро скользили по экрану смартфона:

[Cyan] *Пэй-сюэчжан, могу я попросить тебя о помощи этим вечером?*

[Пэй Имин] *Да, конечно. Что случилось?*

[Cyan] *Я буду писать тебе примерно каждые двадцать минут. Если я не отпишусь вовремя, сможешь приехать за мной в клуб «Free»?*

[Пэй Имин] *Нужно будет вызвать полицию?*

[Cyan] *Если не найдешь меня в баре — да, вызывай.*

[Пэй Имин] *Договорились. Будь осторожен. Если хочешь, пиши каждые десять минут, я всё равно свободен.*

[Cyan] *Спасибо.*

Гу Цзицин ценил Пэй Имина: тот был удивительно рассудительным и умным парнем. А главное — с обостренным чувством чужих границ. Никаких лишних расспросов, никакого непрошеного вмешательства.

Не то что Чжоу Цыбай. Обратись он к нему с подобным, тот через две минуты уже примчался бы с мрачной физиономией, требуя объяснений и устраивая тотальную опеку.

Вспомнив, как Чжоу Цыбай обычно стремительно приближается к нему — высокий, статный, похожий на гордого и мощного снежного волка, но стоит над ним слегка пошутить, как он тут же поджигает губы, а кончики его ушей вспыхивают пунцовым цветом, — Гу Цзицин невольно улыбнулся.

— Ты чего лыбишься? — перебил собственные излияния Гу Цзюэ.

Гу Цзицин мгновенно погасил улыбку и убрал телефон в карман:

— Ничего. Просто подумал, что большие псы бывают очень милыми.

Гу Цзюэ решил, что речь идет о настоящей собаке, и не стал вдаваться в подробности. Вот только странно: зимний вечер в Пекине вроде бы не должен быть жарким, но почему-то стало ужасно душно.

Клуб «Free» располагался прямо напротив отеля, так что они быстро дошли пешком.

Стоило толкнуть тяжелую дверь, как на Гу Цзицина обрушилась оглушительная волна музыки и пьяного гула. От резкого баса физически заломило в ушах, а грудь сдавило тяжёлым гулом.

На освещенной сцене в центре зала танцевала группа полуобнаженных иностранцев. В каком-то смысле зрелище было весьма неплохим, хотя у некоторых мускулатура казалась чересчур гипертрофированной. Гу Цзицину такое не нравилось.

Мускулы Чжоу Цыбая выглядели куда гармоничнее.

Впрочем, рассмотреть танцоров Гу Цзицин не успел: Гу Цзюэ мгновенно увлекла за собой компания каких-то сомнительных приятелей. Уходя, тот лишь бросил Ли Вану:

— Я привел его, но он здесь впервые. Присмотри за ним и не смей применять свои штучки, которыми кадришь местных сучек.

Ли Ван, держа в руках бокал с виски, лишь усмехнулся и протянул напиток Гу Цзицину:

— Разные вы все-таки братья... Один умный настолько, что поступил в Университет Цинда, а второй — наивный дурачок. Сразу видно: не родная кровь.

Подтекст был более чем прозрачен.

Гу Цзицин принял бокал, но пить не стал, а просто оперся о высокий барный стул и спокойно спросил:

— И чего ты от меня хочешь?

Он смотрел на Ли Вана снизу вверх. Чуть приподнятые уголки его глаз придавали взгляду пьянящую выразительность, а алая капелька — родинка у глаза — преломляла цветные блики софитов. В окружении пестро наряженной толпы его бледное, чистое лицо казалось отстраненным и порочно-прекрасным.

У Ли Вана на мгновение перехватило дыхание. В голове мелькнула мысль: если Гу Цзицин проявит покладистость, можно поразвлечься с ним и по-настоящему.

Он сел напротив, оперся подбородком о руку и многозначительно ухмыльнулся:

— А сам как думаешь?

Гу Цзицин поставил коктейль на стойку. Его голос звучал лениво и мягко:

— Я бы не стал так рисковать ради Гу Цзюэ. Да и он не стоит того, чтобы я ради него жертвовал собой.

— Я знаю, — самодовольно хмыкнул Ли Ван. — Поэтому я и не собирался заставлять тебя пить здесь хоть каплю.

Едва он договорил, как Гу Цзицин ощутил, как внутри него поднимается странный, противоестественный жар. Пальцы левой руки, лежавшей в кармане, судорожно сжались.

Ли Ван продолжал улыбаться:

— Как тебе конфета, которую я передал через твоего братца? Да, он не стоит твоих жертв, но раз уж он настолько набит дурью... Сейчас он, наверное, уже кувыркается в постели с какой-нибудь красоткой.

Жар внизу живота становился всё ощутимее. Он быстро стремился к конечностям, отзываясь диким стуком сердца и лихорадочной дрожью.

Гу Цзицин просчитывал худшие сценарии, когда шел сюда, и сделал всё возможное, чтобы обезопасить себя. Но он не учёл одного: Гу Цзюэ был не просто нечестен — он был

беспросветно глуп.

Конфету ему дал Ли Ван.

Этот мерзавец всё просчитал и использовал Гу Цзюэ вслепую.

Для мужчин подобная дрянь — лишь способ подстегнуть похоть и притупить волю. В представлении таких подонков, подложить Гу Цзюэ девку — это даже «подарок», за который тот потом ещё и спасибо скажет.

Но Гу Цзицин был для них совсем другим. В их глазах красивый, хрупкий парень являлся лишь изысканной игрушкой для утех.

Гу Цзицин сжал то, что лежало в его левом кармане. Его лицо оставалось совершенно невозмутимым, он даже с привычной ленивой грацией подтолкнул свой смартфон вперед:

— Понятно. Именно поэтому перед выходом я немного пообщался с другом.

Ли Ван опустил взгляд и увидел открытый чат с Пэй Имином. Улыбка мгновенно сползла с его лица, уступив место злому оскалу:

— Думаешь, полиция тебе поможет?

Гу Цзицин чуть заметно улыбнулся:

— Во всяком случае, хуже не будет.

Ли Ван хотел было возразить, но Гу Цзицин продолжал всё тем же ровным, бархатным голосом:

— Я знаю, что брат Ван — человек осторожный и не станет действовать без оглядки. И ты не думаешь, что пара снимков или видео сломают мне жизнь. В конце концов, жертв у нас винить любят, а мне на чужое мнение плевать. Вот только эти записи станут уликой против тебя самого.

Он чуть приподнял уголки глаз, бросив на Ли Вана короткий, невесомый взгляд. Его темные зрачки смотрели мягко, без малейшей агрессии, но у Ли Вана от этого взгляда почему-то мороз пробежал по коже.

Создавалось ощущение, будто Гу Цзицин видит его насквозь.

— Одноразовая интрижка не стоит тюремного срока, — спокойно закончил Гу Цзицин. — Так

что если я сейчас уйду, потому что мне нездоровится, тебе будет проще объясниться с семьей. А что до конфет... Вы ведь с моим братом такие хорошие друзья. Ты просто помог ему и угостил необычной сладостью. Он должен быть тебе благодарен.

Дрянь, которую ему подмешали, явно была привезена из-за границы и относилась к категории тяжелых запрещенных препаратов. Если дело дойдет до заявления, пострадает не только Ли Ван — под удар попадет и его отец.

Гу Цзицин предлагал сделку: он закроет на это глаза, если Ли Ван поможет Гу Цзюэ получить нужный контракт, а сам Гу Цзицин уйдет невредимым, получив на Ли Вана вечный компромат.

За какую-то пару минут этот парень разложил всё по полочкам, безошибочно бдя по самым уязвимым местам.

Такая холодная, абсолютная рассудительность была недоступна большинству людей даже в нормальном состоянии, не говоря уже о человеке под действием сильнейшего афродизиака. Дозировка была огромной! Как он вообще держится?!

Ли Вана прошиб холодный пот. Он вдруг осознал: если он реально тронет Гу Цзицина, тот уничтожит его.

Он даже усомнился, съел ли Гу Цзицин ту конфету.

Но только сам Гу Цзицин знал, что его внутренности уже пылают огнем. Сердце заходило от бешеного выброса адреналина, горло пересохло так, что каждое слово давалось с болью, а спина покрылась липким потом.

Сознание начинало затуманиваться, волны дурманящей похоти и галлюцинаций медленно разъедали разум.

Левая рука в кармане сжалась ещё сильнее. Тонкое лезвие вонзилось в ладонь, и теплая кровь потекла по линиям кожи, возвращая трезвость через боль.

Он понимал, что долго не продержится. Похлопав пальцами по экрану, он добавил всё тем же нежным, уступчивым тоном:

— К тому же, брат Ван, наверное, знает, что во многих телефонах запись разговора автоматически сохраняется в облаке. Если я не вернусь в ближайшее время, мой друг может вызвать полицию. Это создаст лишние проблемы.

Ли Ван с такой силой сжал бокал, что пальцы побелели. Но ему ничего не оставалось, кроме как скрежетать зубами от бессильной ярости.

Исход переговоров был решен.

Гу Цзицин забрал телефон и собрался встать.

Ли Ван, никогда в жизни не терпевший столь позорного поражения, не удержался от грубого вопроса:

— Раз тебе так плевать на мораль, почему просто не переспать со мной?

Вопрос звучал грязно и откровенно.

Гу Цзицин ответил с естественной простотой:

— Наверное, потому что мне больше нравится делать это с молодыми, чистыми и красивыми.

С этими словами он поднялся.

Но действие препарата оказалось куда сильнее, чем он рассчитывал. В тот же миг земля ушла из-под ног, голова закружилась, и он, не успев зацепиться за стойку, начал падать.

Ли Ван инстинктивно подался вперед и подхватил его.

Едва его ладонь коснулась тонкой, невероятно гибкой талии Гу Цзицина, как у Ли Вана перехватило дыхание. Внезапная волна вожделения на миг заглушила разум — в голове вспыхнула дикая мысль: утащить его прямо сейчас!

Но в следующую секунду его руки опустели.

Кто-то жестко сгрел Ли Вана за воротник, вздернул вверх и с маху впечатал спиной в каменную стойку бара. Тяжелое предплечье мгновенно прижало его горло, перекрывая воздух.

— Сука! — взвыл Ли Ван от дикой боли в пояснице. — Какая мразь...

Договорить он не смог.

Перед ним стоял высокий парень в длинном черном пальто. От его одежды и волос веяло морозным воздухом и снегом. Одной рукой он крепко прижимал к себе Гу Цзицина, а второй удерживал Ли Вана у стойки. В его взгляде читалась такая ярость и звериная угроза, словно вожак стаи защищал свою добычу.

— Ещё раз приблизишься к Гу Цзицину — и я скажу брату, чтобы он занялся твоей семейкой, — процедил он ледяным тоном.

Разжав пальцы, он подхватил Гу Цзицина на руки и стремительно направился к выходу.

Ли Ван сполз на пол, хватая ртом воздух и судорожно держась за шею.

Ощувив знакомый, родной запах Чжоу Цыбая, Гу Цзицин окончательно отпустил натянутые до предела нервы. Левая рука разжалась, и он бессильно прижался к его груди.

Он хотел что-то сказать, но сил не было совершенно.

На самом деле он ужасно боялся боли и вида собственной крови. Просто никогда и никому об этом не говорил.

Чжоу Цыбай молча и быстро нес его к машине.

Он попытался усадить Гу Цзицина на заднее сиденье, но тот обвил его шею руками, подобно гибкой лиане, и прошептал:

— Чжоу Цыбай... ты такой холодный. Дай мне тебя обнять, пожалуйста...

Чжоу Цыбай замер.

Сначала он решил, что Гу Цзицин просто пьян. Но сейчас, при свете фонарей, он разглядел его пылающие щеки, туманный, повеловидный взгляд и почувствовал, насколько горячее у него тело.

А из сжатого левого кулака на землю капала алая кровь. Рядом из пальцев выпало окровавленное лезвие.

Всё стало понятно без слов.

Рука Чжоу Цыбая на его талии сжалась до треска в суставах. Потребовались остатки всего его самообладания, чтобы не вернуться и не разнести этот бар в щепки.

— Я везу тебя в больницу.

— Нет, — Гу Цзицину казалось, что внутри него бушует пожар, и холод, принесенный Чжоу Цыбаем с улицы, был единственным спасением. Он крепче прижался к нему, просипев: — В больнице сообщат в полицию. Если они вмешаются, я потеряю козырь.

Ему нужно было оставить Инь Лань хоть какую-то опору перед тем, как он окончательно порвет с семьей Гу.

Он произнес это так тихо и беспомощно, что у Чжоу Цыбая болезненно сжалось сердце.

Он помнил то чувство, когда ворвался в Клуб Фри и увидел, как Гу Цзицин почти падает в объятия чужого мужчины. Гнев и ревность едва не сожгли его изнутри. Взгляд Ли Вана был взглядом змеи, оценивающей добычу, — грязное, липкое вожделение.

Чжоу Цыбай хотел кричать, хотел спросить, зачем Гу Цзицин вообще поперся в такое место, зная, кто такой Ли Ван? Неужели он совершенно не умеет беречь себя?!

Но Гу Цзицин дал ответ без слов.

Просто потому, что его никогда никому было защитить.

В этот момент Чжоу Цыбай сам не понимал, чего в нём больше — ярости, ревности или невыносимой жалости. В груди бушевал шторм, и, не зная, как выплеснуть эти чувства, он просто стоял в снежной ночи, позволяя парню обнимать себя и укрывая его своим телом от холодного ветра.

Но Чжоу Цыбай был слишком горячим, его мужской запах опьянял, а сильные руки только разогревали туманное влечение. Гу Цзицину становилось всё тяжелее. Тело сгорало, а внизу живота нарастала острая, мучительная тяжесть.

Он чувствовал, как внутри просыпается дикое желание — чтобы Чжоу Цыбай обнял его сильнее, поцеловал, овладел им.

Но Чжоу Цыбай — натурал. Ему нельзя этого делать.

Жар становился невыносимым. С трудом подняв голову от его шеи, Гу Цзицин просипел:

— Чжоу Цыбай... ты можешь позвонить Пэй Имину?

Пэй Имин учится на медика, он должен знать, что делать. А если и нет... Пэй Имин ведь испытывает к нему симпатию.

— Мне нужна его помощь.

Гу Цзицин изо всех сил пытался говорить спокойно и разумно.

Но Чжоу Цыбай внезапно одеревенел.

Позвать Пэй Имина?

Для какой такой «помощи»?!

Глядя на Гу Цзицина — мягкого, подобного тающему первому снегу, — Чжоу Цыбай вспомнил тот день в своей спальне, когда тот лежал под ним с тем же невинным, но сводящим с ума вождением. Сердце Чжоу Цыбая готово было выпрыгнуть из груди.

Пальцы впились в талию Гу Цзицина так, что ткань пальто смялась в складки.

Почувствовав его сопротивление, Гу Цзицин решил, что тот просто брезгует обычной физиологической разрядкой без чувств. Он неосознанно крепче обхватил его шею и хрипло, сорванным от страсти голосом начал объяснять:

— Это иностранная дрянь... По-другому её не вывести. Если ничего не сделать, будет только хуже для здоровья... Пэй Имин показывал справку, он здоров. И он свободен, симпатичен, я ему нравлюсь... Если нет другого выхода, он — самый подходящий вариант.

Даже сейчас его тон оставался предельно рассудительным и холодным. Словно всё это не имело для него никакого значения. Словно ничто в этом мире не способно выбить его из колеи.

Но почему это не должно иметь значения?!

Стоило Чжоу Цыбаю представить, что, не оказись он здесь случайно, Гу Цзицин сейчас лежал бы в чужих руках, смотрел на другого, обнимал другого и шептал чьё-то чужое имя этим нежным, ленивым голосом... Дикая, всепоглощающая ревность и собственнический инстинкт едва не лишили его разума.

Он здесь! Он держит его! Он рядом! И именно его любит Гу Цзицин! Так почему, черт возьми, помогать должен какой-то Пэй Имин?!

— Гу Цзицин, ты считаешь, что я недостаточно молодой, недостаточно красивый или недостаточно чистый?! — выкрикнул Чжоу Цыбай, скрежеща зубами.

Гу Цзицин, сгоравший в его руках от лихорадочного жара, услышал эти слова и растерянно

поднял влажные глаза.

Что Чжоу Цыбай имеет в виду?

Он молодой, потрясающе красивый и безупречно чистый. Гу Цзицин и сам безумно хотел его прямо сейчас.

— Но... разве это не потому, что ты не можешь?

Когда Гу Цзицин поднял взгляд, его темные глаза подернулись влажной пеленой. На алый уголок века упала снежинка и тут же растаяла, заставив родинку засиять влажным блеском. В его туманном взгляде читалась наивная, почти провокационная растерянность — сладкая, как яд.

А его горячие руки всё так же сжимали шею Чжоу Цыбая.

Чжоу Цыбай больше не мог этого терпеть. Он намертво впился пальцами в его талию и, процедил сквозь сжатые зубы:

— Гу Цзицин... С чего ты вообще взял, что я не могу?

<http://bllate.org/book/20143/1992116>